

A movie poster for the film 'Ice Storm'. The background is a dark, stormy sky with falling rain. In the center, a man and a woman are shown in a close embrace, about to kiss. The man is on the left, wearing a dark, hooded cloak, with his muscular back and shoulder visible. The woman is on the right, wearing a light-colored, ornate dress and a crown. The overall mood is romantic and dramatic.

АЛЬДОНА ВРАН

ЛЕДЯНОЙ
ВЗМАХ

18+

Альдона Вран Ледяной взмах

<https://litres.ru/74036198>

SelfPub; 2026

Аннотация

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

В этой книге присутствуют сцены сексуализированного насилия. Автор не оправдывает поведение героев. Это художественное произведение, в котором также затрагиваются последствия травматического опыта. История не стремится оправдать жестокость, но может показаться захватывающе мрачной.

Пожалуйста, будьте бережны к себе во время чтения. Если вы не знакомы с жанром «дарк-роман», отнеситесь к книге с осторожностью.

Если же вы решитесь перевернуть страницу — будьте готовы к тому, что эта история может оказаться ближе, чем вы ожидали.

ДИСКЛЕЙМЕР

Действие разворачивается в условной альтернативно-исторической реальности, вдохновлённой эпохой удельной Руси (X–XIII века). Автор не стремится к исторической точности и не претендует на документальное изображение эпохи.

Посвящается каждой, кто желает встретить своего палача.

Того, чьё имя лучше не знать.

Того, чьего взгляда лучше не искать.
Того, кто отсечет не голову, а сердце.
Холодно.
Тихо.
Неотвратимо.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Альдона Вран Ледяной взмах

Глава 1

*«Старые люди говорили: коли лёд с
дождём падает на землю прежде
срока, жди перемен недобрых.
В тот день одна душа лишилась
головы, а другая — покоя».*

*Из сказаний о Ледяном Взмахе, свиток I, обуглённый
фрагмент*

Зара

Казни я ненавидела с детства. Не потому, что боялась крови. Просто однажды казнь уже отняла у меня близкого человека. Но сегодня я случайно оказалась рядом, возвращаясь с прогулки. Сначала хотела пройти мимо, но потом поняла, что путь к терему как раз пролегает через лобное место. Переждать было всяко лучше, чем протискиваться сквозь толпу.

Я накинула капюшон мантии и как можно дальше потяну-

ла его вперед, чтобы меня никто не заметил. Быть княжной не так легко, как многие думают. Откуда-то сверху пронеслась капля и упала мне на руку. За ней - другая. Я задрала голову и посмотрела на небо. Тяжёлые серые облака нависли над крышей терема так низко, словно хотели придавить его к земле. Ветер гнал редкие жёлтые листья, и те кружились между людьми, цепляясь за сапоги и полы кафтанов, будто не желали умирать вместе с уходящей осенью. Справа меня пихал мальчик, который то и дело выпячивал голову, наблюдая за тем, что происходит впереди, с вытаращенными глазами.

Я до последнего не смотрела в сторону казни. Но любопытство взяло верх, когда толпа вдруг стихла. Перестала пересказывать друг другу подробности, гудя, словно комариный рой. Что заставило их всех умолкнуть? Сквозь вездесущие головы я кое-как разглядела помост. Старые доски потемнели от дождей и времени. Издали они казались почти чёрными. Я сощурилась при виде осужденного. Меня пугали лица людей перед смертью. В последние мгновения они становились удивительно настоящими. С них спадало всё: гордость, ложь, притворство, злость. Оставался только страх.

Но не это заставило толпу стихнуть. Не потому люди крестились, переглядываясь друг с другом. Не потому перестали смеяться и галдеть. Я нахмурилась и подалась вперед, чтобы разглядеть получше. Толпа расступалась. Не перед князем. Не перед дружиной. Перед человеком в мантии. Он был по-

чти вдвое выше всех вокруг. Его широченные плечи напоминали брёвна крепостных ворот. Странно, но первым делом я заметила не его рост. И не одежду. А то, как вел себя народ после его появления. Женщина, стоявшая возле помоста, поспешно отвела взгляд. Даже стражники словно становились осторожнее в его присутствии. И тогда я поняла. Это был он. Княжеский палач.

Он шёл неторопливо, и в этой неторопливости схоронилось что-то очень страшное. Казалось, тайна вот-вот вскроется, словно гнойник на теле прокажённого. На нём была длинная, тёмная мантия, почти сливавшаяся с пасмурным небом. Палач медленно поднялся на помост и одним ленивым движением скинул с себя мантию. Толпа, которая явно уже хорошо его знала, заохала и заохала, словно он предстал перед ними впервые. Внушительные мускулы рисовались на его огромном, мощном теле. Я ни у кого еще не видела таких мышц. Обычно богатыри любят выставлять напоказ силу. Но этот человек не был богатырём из былин. Он не нуждался в подобных лаврах и доказательствах. Потому на нем остался черный мешок с прорезями для глаз. Он не собирался снимать его. Никому не дано было знать палача в лицо. Никто не видел его без мешка и не знал, кто он на самом деле. Никто, кроме моего отца, князя Ратибора, и его приближенных.

Я ожидала почувствовать отвращение. Но вместо этого ощутила любопытство. Неприятное. Почти болезненное. Словно смотрела на глубокую полынью во льду и понимала,

что нельзя подходить ближе, однако всё равно не могла отвести глаз. Кожа покрылась мурашками, когда я вспомнила, как женщины шептались о нем на кухне. И замолкали, едва замечая чужие уши. Я не могла больше смотреть на палача. К горлу стала подступать тошнота. Я сглотнула и дабы отвлечься, перевела взгляд на смертника. Мужчина ещё недавно что-то кричал, вырывался из рук стражников, сыпал проклятиями направо и налево, но стоило ему поднять голову и увидеть палача, как слова застряли у него в горле. Все заметили, как сильно изменилось его лицо. Я увидела даже издалека. Страх пронзил его, словно нежданная стрела врага, решившего напасть ночью. Перед ним стоял тот, кто вот-вот задует свечу в его доме. Навечно.

Мужчина побледнел, попятился. А затем неожиданно рухнул на колени. Толпа засуетилась пуще прежнего, под помостом прокатился удивлённый шёпот. — Нет — донеслось до меня.

— Прошу, - его голос дрожал, — Помилуйте!

Но смотрел он не на князя. Не на священника. Не в толпу людей. А на одного лишь человека с тёмным мешком на голове. И больше всего меня поразило то, что палач даже не шелохнулся. Он стоял неподвижно. Как ледяное изваяние. Как огромный дуб посреди поля во время зимней бури. Ветер трепал его валявшуюся на помосте мантию, еще чуть-чуть и подхватит ее и унесет прочь. Но ему до этого не было дела. Листья кружились у ног, над городом тяжело нависало

серое небо, а он словно существовал отдельно от всего этого.

Тут вдруг из толпы выскочила женщина и громко завопила, упав перед палачом на колени.

— Смилуйся, добрый князь, - выла она, - Прошу, остановите это злодеяние. Народ засуетился. Стражники поспешили схватить ее. Она вырывалась, но те крепко держали ее за руки. Наверное, на них останутся синяки.

— Твой муж - вор! - раздался одинокий крик откуда-то из толпы. Больше никто не сказал ни слова. И тогда отчаявшаяся женщина обратилась к чудовищу. Слезы градом хлынули из ее глаз.

— Прошу, не убивай его, грозный палач! - молила она сквозь непрерывное рыдание, - Пощади меня, пощади деток малых, не оставляй сиротами некому их кормить будет!

Но палач ничего не ответил. Он молча поднял топор. С ледяным взглядом. С холодным безразличием. Движением, лишенным чувств. Ледяным взмахом. Он опустил руку, отсекая осужденному голову. Она отлетела, покатила по помосту, словно гнилое яблоко, выброшенное и ненужное. Несколько мгновений народ не двигался. Казалось, ветер стал холоднее, порывистее. Все стояли, как вкопанные, даже жена казнённого не шелохнулась. Только палач медленно приблизился к валяющейся голове, наклонился, чтобы поднять. С прежним холодом он положил ее в мешок и отправился прочь, так, будто ничего не произошло. Народ потоптался на месте какое-то время, перешептываясь и обсуж-

дая случившееся между собой. Но вскоре люди начали расходиться восвояси. Только женщина распласталась на помосте возле мертвого мужа. Так, будто умерла вместе с ним.

Я сидела возле окна и наблюдала, как за ним бушевал ледяной дождь. Он тихо стучал по кровле терема, по деревянным стенам, по узким слюдяным окнам, превращая весь двор в тёмное царство блеска и сырости. Голые ветви яблонь в саду покрылись прозрачной коркой льда и теперь казались выкованными из стекла. Внезапно одна ветвь проломилась под тяжестью ледяного навеса. Я шумно выдохнула и сжала пальцами переносицу. Перед глазами до сих пор всплывало страшное зрелище. Казнь. Взмах палача. Отсеченная голова. И женщина, плачущая над телом мужа. Я подошла к зеркалу, чтобы расчесать волосы и отвлечься от дурных воспоминаний. Взяла гребень, уселась поудобнее. В стеклянном полотне отразились острые черты лица, точеные скулы, голубые, с желтыми вкраплениями, глаза и светло-русые волосы. Я была очень худенькой девушкой. Потому смастерить сарафан на меня было крайне трудно. Этот, желтый, как солнышко, с голубыми узорами, создали самые искусные мастерицы нашего княжества. Дополняли его украшения в виде кокошника с белыми бусами.

— Как поживает моя дочурка? - внезапно раздался голос

отца за спиной.

— Батюшка! - громко обрадовалась я. Вскочила, развернулась и поспешила к нему с распростертыми руками. Князь по-отечески нежно засмеялся и ответил крепкими объятиями.

— Представляешь, сегодня волею судьбы мне довелось побывать на казни, - поделилась я с ним, - твой палач - настоящий изверг! Жестокий человек. Я чуть не подавилась воздухом, пока в красках рассказывала ему о приключившемся с его женой и детьми горе.

— Она молила его, захлебываясь рыданиями. Но тот оказался таким бесчувственным! таким холодным! Был бы ты там, ты бы ее выслушал, смягчил свое наказание. Пощадил бы юродивого. Я была не в силах сдерживать порыв чувств. Одна слезинка все-таки просочилась сквозь мой правый глаз, как бы отчаянно я не пыталась запретить себе плакать перед отцом.

— Ведь пощадил бы? - спросила я, чтобы убедиться наверняка, на миг выскользнув из-под его объятий. Князь слегка призадумался, но потом взглянул мне в глаза и с уверенностью кивнул:

— Конечно, Зара. С этими словами он вырвался из моих объятий и нахмурился.

— Мне некогда. Много дел, родная. Сходи к матери, побеседуй с ней. Полегчает.

— Угу, - ответила я, когда тот уже выходил из моих поко-

ев. И послушно отправилась вслед за ним. Оказавшись в коридоре терема, отец свернул направо, как я поняла, он должен был созвать вече, в той стороне всегда проходили собрания. Я же повернула налево, собираясь идти в покои матушки, княгини Устиньи. Но остановилась, когда в голову вдругорядь ударила добрая мысль.

Что если я найду эту женщину и ее детей, и помогу им? Мне захотелось добыть для них немного теплой одежды и еды, чтобы дети не питались одними лишь остатками хлеба. Черствого, как тот бездушный палач. С этими мыслями я вернулась в свои покои, надела черную мантию и направилась исполнить свою волю. Лишь позже я поняла, что мне не следовало этого делать. Княжеские дочери не ходят по хозяйственным дворам после захода солнца. Тем более в такую погоду. Но я знала, что в нижней части крепости находится кладовая, где хранились припасы для бедняков. Иногда отец велел выдавать им муку или сушёную рыбу, чтобы избежать бунтов и лишних разговоров. Я хотела распорядиться, чтобы той женщине тоже что-нибудь отправили. Хотя бы на зиму. Хотя бы детям. Это было глупо. Этого было недостаточно. Но ничего другого я сделать не могла.

Ледяной дождь барабанил по крыше переходов. Пламя свечи вздрагивало на каждом повороте. Толстые брёвна стен впитывали свет, узкие оконца почти не пропускали его внутрь, а сейчас, коридоры и вовсе напоминали длинные тёмные кишки какого-то огромного зверя. Однако, к моему

счастью, они были почти пусты. Лишь изредка навстречу попадались слуги. Но я все равно то и дело оглядывалась по сторонам.

Я уже собиралась свернуть к лестнице, ведущей вниз, когда впереди послышались шаги. Медленные. Тяжёлые. Я замерла посреди коридора и прислушалась. Шаги приближались, и они точно принадлежали кому-то очень грузному и отнюдь не безобидному. Я замешкалась, забегала глазами по коридору в попытках найти убежище. Справа стояли большие дубовые сундуки, накрытые грубой холстиной. Между ними и стеной оставалось немного места. Недолго думая, я проскользнула туда и прижалась спиной к холодному дереву.

Сердце колотилось так громко, что мне казалось, будто его услышат на другом конце коридора. Шаги становились всё ближе. Я сама не понимала, отчего вдруг испугалась. Ведь я была княжной. Находилась в собственном доме. Мне нечего было бояться. И всё же отчего-то страх медленно поднимался внутри и рос, и рос...

За окном ударил ветер. Где-то наверху скрипнули балки. Шаги приблизились ещё. А потом остановились. Совсем рядом. Я задержала дыхание.

Ничего не происходило. Тишина становилась всё тяжелее. Настолько тяжёлой, что я уже начала сомневаться, действительно ли слышала кого-то. Может быть, человек просто прошёл мимо? Может быть, мне померещилось? Я осторожно подалась вперёд и выглянула из своего укрытия. Коридор

был пуст. У меня вырвался облегчённый выдох. Глупая. Испугалась неизвестно чего.

Я уже собиралась выйти из-за сундуков, когда за спиной вдруг раздался низкий мужской голос:

— Странное место для прогулок вы выбрали.

Внутри меня всё оборвалось. Я резко обернулась. Лучина дрогнула в руке. Он стоял всего в нескольких шагах. Палач. Так близко, что я не понимала, как могла не услышать его приближения. Высокий. Невероятно высокий. Он показался мне еще выше, чем на казни. Широкоплечий настолько, что тёмный коридор рядом с ним казался тесным. Лицо его по-прежнему скрывал чёрный мешок с прорезями для глаз.

— Разве княжне подобает находиться здесь одной после захода солнца?

На мгновение мне показалось, будто ледяной дождь вошёл вместе с ним под крышу терема. Словно я укрывалась от бури и вдруг обнаружила, что стою в самом её сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.